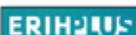

Нуждин О. И. Жанна д'Арк: А был ли пророк? Размышления над монографией О. И. Тогоевой «Еретичка, ставшая святой» / О. И. Нуждин // Научный диалог. — 2019. — № 4. — С. 300—311. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-300-311.

Nuzhdin, O. I. (2019). Jeanne d'Arc: Was There a Prophet? Reflections on the Book of O. Togoyeva "The Heretic, who Became Holy". *Nauchnyi dialog*, 4: 300-311. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-300-311. (In Russ.).

УДК 94(44).026

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-300-311

Жанна д'Арк: А был ли пророк? Размышления над монографией О. И. Тогоевой «Еретичка, ставшая святой»

© **Нуждин Олег Игоревич (2019)**, orcid.org/0000-0003-2127-4214, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), o_nuzhdin@mail.ru.

Проводится анализ концепции О. И. Тогоевой, предложенной ею в качестве исследовательского метода в монографии «Еретичка, ставшая святой», в которой автор попытался доказать, что национальная героиня Франции, Жанна д'Арк, была визионеркой, пророком, предсказавшим отдельные события Столетней войны. В книге показано, что, поскольку современники не были уверены, от кого исходят ее пророчества — от Бога или от Дьявола, пришлось провести несколько процедур с использованием метода «discretio spirituum», то есть «различения духов». Сообщается, что первые две процедуры, состоявшиеся в Шиноне и в Пуатье весной 1429 года, завершились оправданием Жанны д'Арк, третья, завершенная в Руане в 1431 году — обвинением, наконец, последняя — в 1450—1456 годах — восстановлением доброго имени. Автор статьи отмечает, что Жанну д'Арк некоторые современники считали пророком или же выдавали ее за пророка, однако факт, что Орлеанская Дева действительно являлась пророком, остался недоказанным. В статье показано, что возможны иные толкования миссии Жанны д'Арк и ее деяний, в том числе объяснение ее поступков не как пророка, а как одного из капитанов королевской армии.

Ключевые слова: Столетняя война; Жанна д'Арк; дофин Карл; концепция «discretio spirituum»; средневековый визионизм.

1. Явление нового пророка

Можно только приветствовать выход в свет монографии О. И. Тогоевой «Еретичка, ставшая святой» [Тогоева, 2016]. Наконец-то в России появилось крупное, хорошо фундированное исследование, посвященное

ключевому этапу Столетней войны, связанному с освобождением Орлеана от английской осады и коронацией дофина Карла в качестве короля Франции. Монография написана на основе значительного по количеству корпуса источников и исследовательской литературы и охватывает период с XV века до начала XX века.

Свой подход к личности Жанны и сопряженным с нею проблемам О. И. Тогоева формулирует во введении. Сначала автор дает краткий очерк жизни Жанны, повествуя о ее рождении 6 января 1412 года в семье простых крестьян, о том, как девочка пасла общинное стадо и в 13 лет услышала голоса, как позже освободила Орлеан, короновала дофина Карла и была сожжена 30 мая 1431 года [Там же, с. 10]. Тем самым О. И. Тогоева дает понять читателю, что эти факты неоспоримы и не могут вызывать сомнений, даже с учетом ряда уточнений [Там же, с. 11]. Такое начало весьма симптоматично, учитывая существующий в науке двоякий подход к рассматриваемой проблеме. Он сформировался еще в XIX веке, когда было поставлено под сомнение крестьянское происхождение национальной героини Франции. Вводя в самом начале своего исследования указание на то, что Жанна родилась в Домреми в семье д'Арков, О. И. Тогоева формулирует свою позицию как исследователь проблемы. Для нее Жанна — крестьянка, «простая деревенская девушка» [Там же, с. 52], пусть не бедного, а, скорее, зажиточного происхождения, но никак не дворянка, а уж тем более не незаконнорожденная дочь королевы Изабеллы Баварской.

В своем исследовании О. И. Тогоева заявляет, что ее целью не является изучение реальной жизни и личности Жанны д'Арк, она концентрируется на особенностях восприятия ее современниками [Там же, с. 29]. По мнению автора, еще в XV веке началась мифологизация ее личности. С тех пор нам, с одной стороны, представляется реальная девушка, а с другой — ее образ, «постоянно мутировавший под влиянием политических, религиозных, правовых, а также общих мировоззренческих установок периода Средневековья, Нового и Новейшего времени» [Там же, 2016, с. 12]. По словам исследователя, «это будет другая история Жанны д'Арк — история создания и развенчания легенд, сознательной (или неосознанной) подтасовки фактов и редактуры текстов...» [Там же, с. 12].

Однако вместо того, чтобы попытаться отделить мифологический, легендарный образ, оформившийся уже в представлениях современников, от реальной личности Жанны д'Арк, О. И. Тогоева предлагает вовсе отказаться от таких попыток. По ее мнению, «в действительности личность Орлеанской Девы остается для нас абсолютной загадкой — и, возможно, останется таковой навсегда» [Там же, с. 11]. Вместе с тем отказ исследова-

тельницы от изучения реального образа героини Франции ставит под удар все ее попытки различить миф и действительность. Ведь если не знать, какой была Жанна д'Арк в жизни, невозможно отделить ее личность от мифологической шелухи последующих столетий.

Ключевым моментом анализируемого исследования, ярким элементом новизны авторского подхода является попытка преподнесения личности Жанны д'Арк и ее деятельности в качестве визионерки [Там же, с. 24], более того, нового пророка [Там же, с. 30, 69, 83, 212, 215]. Поэтому первую главу своего исследования О. И. Тогоева так и назвала — «Пророк в своем отчестве» [Там же, с. 19].

В качестве главного исследовательского метода Тогоевой предложена доктрина *discretio spirituum*, или «различение духов», с позиций которой предполагается изучить правовые аспекты процессов в Шиноне, Пуатье в 1429 году и Процесса обвинения 1431 года. «Невнимание к *discretio* у историков объясняется тем, что они привыкли рассматривать ее как составную часть процесса канонизации», — поясняет свою мысль О. И. Тогоева, а поскольку о признании Жанны д'Арк святой речь не шла, то и процедура *discretio spirituum* по отношению к ней считалась неуместной [Там же, с. 64, 80]. Однако американские историки конца XX — начала XXI века, в том числе Дебора Фрайоли [Fraioli, 2002], сочли ее применение допустимой — и О. И. Тогоева с ними согласилась. При этом ни аргументов американцев, ни той же Д. Фрайоли, ни каких-либо собственных доводов, почему такое стало возможным, О. И. Тогоева не привела [Там же, с. 64—66], и читателю самостоятельно трудно оценить справедливость или ошибочность их решения.

По прочтении первых страниц монографии складывается впечатление, что признание Жанны д'Арк именно пророком базируется на констатации неоднократного проведения в отношении нее процедуры *discretio spirituum*, а «различение духов», в свою очередь, оказалось необходимо, чтобы доказать, что национальная героиня Франции была пророком. Никаких дополнительных обоснований тому, что Жанна д'Арк являлась прорицательницей, О. И. Тогоева не приводит. Видимо, утверждения Жанны д'Арк, что она освободит Орлеан, исследователю оказалось достаточно, чтобы объявить ее слова пророчеством, а саму ее — пророком.

Трудно согласиться, что концепция «различения духов» применялась во время расследований в Шиноне и в Пуатье, поскольку, как отмечает сама О. И. Тогоева, материалы допросов комиссии в Пуатье не сохранились и до нас дошел только текст «Заключения» [Там же, с. 42]. Представляется совершенно недостаточным и необидительным делать вывод только

на основании одного-единственного документа, поэтому позиция О. И. Тогоевой выглядит достаточно зыбкой. И то, что архиепископ Амбрениский Жак Желю, написавший в 1429 году «Трактат о подвигах Девы», знал о сочинениях виднейшего теолога Жана Жерсона (1363—1429), в которых разрабатывалась данная концепция, может служить только косвенным доказательством того, что ее применяли во время процесса в Пуатье. И совсем неубедительным выглядит утверждение, что приближенные дофина Карла также применяли *discretio spirituum*, в частности, при опознании Жанной д'Арк дофина во время их первой встречи [Там же, с. 47—48].

С одной стороны, Жанна д'Арк обладала неким «пророческим даром» [Там же, с. 39, 212, 215], однако его природа О. И. Тогоеву не интересует. Было ли это психическое расстройство, галлюцинации слуха, как полагал в свое время М. Н. Петров [Петров, 1867, с. 102—106], или прав С. Люс, считавший, что у девушки из Домреми были духовные наставники [Lucs, 1887, pp. 252, 255, 256, 264]. Отбросив все ранние годы жизни Жанны д'Арк, видимо, как несущественные, О. И. Тогоева свое исследование начинает сразу с появления героини на исторической сцене, то есть с конца зимы — начала весны 1429 года. Тем самым она сразу же упускает из виду еще одну возможную процедуру применения *discretio spirituum*, относящуюся как раз к 1428 году. По словам Катрин Ле Ройе, ее провел священник Жан Фурнье в присутствии Робера де Бодрикура [Quicherat, 1844, p. 446] еще до отъезда Жанны д'Арк в Шинон. Странно, что Робер де Бодрикур не сообщил о результатах своего расследования дофину Карлу, по крайней мере, нам об этом ничего не известно.

2. Что есть пророк?

Почему дофин принял Жанну? Этот поступок был бы легко объясним, если бы Жанна уже была достаточно известна. Однако О. И. Тогоева считает иначе: по ее мнению, Жанна — «никому не знакомая особа» [Тогоева, 2016, с. 29]. Здесь она спорит как с точкой зрения М. Уорнер, полагавшей, что Жанна была одной из хорошо известных провидиц, так и с позицией Ж. Поля и О. Бузи, полагавших, что Жанна сознательно подстроилась под имевшие широкое хождение в народе пророчества. При этом Тогоева справедливо указывает, что таковые не были связаны ни с конкретной ситуацией, ни с конкретной личностью или даже с Францией. Более того, «воспоминания» о якобы предсказывавших ее появление текстах могли быть обычным вымыслом» [Тогоева, 2016, с. 28]. К сказанному можно добавить, что сама Жанна д'Арк в них не верила. Однако на изначальный вопрос, почему Жанну все же приняли при дворе дофина в Шиноне, сама О. И. То-

гоева так и не ответила [Тогоева, 2016, с. 28, 44—45], хотя у нее были достаточные основания присоединиться к мнению М. Уорнер с оговоркой, что дофин знал о новой пророчице из письма Робера де Бодрикура и из послания самой Жанны д'Арк, отправленного из аббатства Сент-Катринде-Фьербуа [Quicherat, 1841, p. 75].

Судя по тексту, О. И. Тогоева считает, что Жанна д'Арк как-то особенно выделялась на фоне остальных прорицателей первой половины XV века, коих было много во Франции, и именно поэтому в отношении нее решили провести процедуру *discretio spirituum*, причем неоднократно [Тогоева, 2016, с. 25—28]. Но такое предположение входит в противоречие с утверждением автора о «никому не знакомой особе», пусть и утверждавшей, что она посланница Господа. Действительно, дофин и его окружение в затруднительной ситуации весной 1429 года «искали любые пути выхода из кризиса», но не настолько, чтобы хвататься за любую соломинку. Поэтому девушке из Домреми требовалось продемонстрировать нечто исключительное, чтобы добиться аудиенции.

Возможно, этим «исключительным» стало еще одно «пророчество», касавшееся отношений с Шотландией, на которое не обратила внимание О. И. Тогоева. Жанна д'Арк продемонстрировала удивительную осведомленность, заявив, что «никто в мире, ни короли, ни герцоги, ни дочь короля Шотландии не смогут освободить Французское королевство» [Тогоева, 2016, с. 29]. Эти слова воспроизведены, но никак не прокомментированы автором, как будто для крестьянок из глубинки было обычным делом разбираться во внешней политике своего времени.

Трудно понять причину, по которой О. И. Тогоева не обратила внимания на это «пророчество», ведь при всем продемонстрированном ей высоком уровне владения материалом и знания источников, пропустить его, казалось, было невозможно. Единственное объяснение состоит в том, что «пророчество» лежало за хронологическими рамками ее исследования, но и эта причина игнорирования такого важного факта представляется не вполне убедительной. Ведь приведенный отрывок демонстрирует нам самую осведомленность Жанны о переговорном процессе между Францией и Шотландией, причем источник ее информированности остался нам неизвестным.

А ведь речь здесь явно шла о проекте брака дофина Людовика с Маргаритой Шотландской и возобновлении «старого союза» между королевствами. Французское посольство прибыло в Шотландию в начале июля 1428 года и, успешно проведя переговоры, вернулось обратно в октябре того же года. В присутствии своего Совета 30 октября дофин Карл торже-

ственно ратифицировал соглашение, по которому наряду с заключением брака со стороны Шотландии должна была быть предоставлена военная помощь в количестве 6000 воинов [Barbé, 1917, p. 19—24; Beaucourt, 1882, p. 396—398].

Следует отметить, что это не единственное пророчество Жанны д'Арк, оставленное без внимания О. И. Тогоевой. Так, в разговоре с Робером де Бодрикуром, видимо, в 1428 году Жанна д'Арк сделала неожиданное заявление. Из него следовало, что после выполнения своей миссии она собиралась выйти замуж и родить трех сыновей. Первый, по ее словам, станет Римским папой, второй — императором, а третий — королем. И она родит их от Святого Духа [Quicherat, 1841, p. 219—220]. Это пророчество также оказалось проигнорированным О. И. Тогоевой.

Конечно, можно сослаться на то, что данный пассаж также лежит вне пределов хронологических рамок исследования. Но можно предположить иное. Не исключено, что причина игнорирования «пророчеств» состоит в том, что они не укладываются в концепцию автора монографии, согласно которой Жанна-пророк обладала вполне конкретными, но сугубо положительными качествами. Среди неотъемлемых качеств пророка О. И. Тогоева выделяет, следуя за Жаном Жерсоном, смирение, скромность, терпение, правдивость и сострадание [Тогоева, 2016, с. 35]. Для определения этих свойств в данный отрезок времени использовали метод *discretio spirituum* [Там же, с. 36—38], который, как считает исследовательница, применялся для экзаменации Жанны в Пуатье в марте — апреле 1429 года [Там же, с. 40, 41, 43].

Представляется, что О. И. Тогоева сама попала под обаяние доктрины *discretio spirituum* настолько, что стала применять ее к анализу источников как особый исследовательский метод, через призму которого стали определяться истинность или ложность высказываний о Жанне. Поэтому образ Жанны д'Арк, понимаемый как реальный, должен соответствовать качествам, предложенным Жаном Жерсоном. Истинная героиня должна быть правдивой, скромной и добродетельной, поэтому любые сомнения в этом следует считать ложными, а людей, не соответствовавших этому образцу, но претендующих именоваться Жанной д'Арк, — «самозванцами».

Дело в том, что, если реальная Жанна д'Арк не соответствовала приписываемому ей канону, она могла иметь совсем иные, но вполне человеческие черты и желания, в том числе намерение выйти замуж и родить детей. А отсюда уже можно перекинуть логический мостик к еще одному персонажу эпохи — Жанне дез Армуаз. А известно, что О. И. Тогоева остается ярой противницей любых попыток идентифицировать даму дез

Армуаз с Жанной д'Арк. Поэтому семейное положение Жанны дез Армуаз в глазах О. И. Тогоевой является дополнительным аргументом против того, чтобы идентифицировать ее с Жанной д'Арк.

В своей монографии она отвела часть целого параграфа [Там же, с. 329—331] очередному разоблачению Жанны дез Армуаз. Видимо, для того, чтобы ярче продемонстрировать свою позицию, О. И. Тогоева именуется ее «самозванкой, выдававшей себя за французскую героиню» и постоянно называет ее Клод, хотя в ряде документов она фигурирует под именем Жанна [Père Vignier, 1683, pp. 50, 52, 53, 54; Quicherat, pp. 321—323, 328—329; Dom Calmet, 1728, col. CXCIV—XCVII]. Если посмотреть на термины-оноимы, то они совпадают — по отношению к обеим использовалось выражение *Jeanne la Pucelle*. Однако О. И. Тогоева предпочитает не замечать сходства, концентрируясь исключительно на различиях. Замысел автора здесь более чем очевиден: гораздо легче в случае с *Жанной д'Арк* опровергать идентичность *Клод дез Армуаз*, чем *Девы Жанны*.

3. Активный пророк или воин?

Личное участие в боевых действиях не очень вяжется с представлением о пророке как о человеке, который только предсказывает события. Этот факт биографии реальной Жанны д'Арк отрицать оказалось невозможно, и поэтому О. И. Тогоева вынуждена признать «боевые действия, в которых она [Жанна], тем не менее, принимала самое активное участие» [Тогоева, 2016, с. 212].

Переходя к фактам жизни и деятельности Жанны д'Арк, исследовательница начинает сталкиваться со значительными трудностями. Трудно совместить войну с поступками пророка, поэтому она дополняет этот образ, именуя Орлеанскую Деву не простым, а *активным* пророком, «чтобы подчеркнуть действенный характер предлагаемой ею помощи» [Там же, с. 75].

Поскольку деятельность Жанны д'Арк оказалась сопряженной с военными действиями, то в качестве атрибута, призванного доказать ее статус пророчицы, О. И. Тогоева определила меч. По ее мнению, — «это оружие <...> которое давало ей возможность довести свою миссию до конца, поскольку защищало ее девственность — главный знак ее военного успеха, а также — главное свидетельство ее пророческого дара» [Там же, с. 212].

Она же подсчитала, сколько именно мечей оказалось в руках Жанны д'Арк для воплощения ее миссии, а именно четыре: один подарен Робером де Бодрикуром, второй — жителями Вокулера, третий отнятый у бургундца в сражении и, наконец, четвертый, особенный — меч из аббатства Сент-

Катрин-де Фьербуа [Там же, с. 209]. Последнему О. И. Тогоева уделила самое пристальное внимание [Там же, с. 209—213].

В этой связи удивительно, что, анализируя известный рисунок Клемана де Фокамберга [Там же, с. 258—259], О. И. Тогоева совсем ничего не сказала про изображенный на нем меч. Разворачивая сюжет, автор утверждает, что, по мнению секретаря Парижского Парламента, Жанна руководила армией наряду с другими капитанами дофина Карла [Там же, с. 258], поэтому не исключено, что Клеман де Фокамберг, изображая Жанну д'Арк со знаменем, отмечал тем самым ее военные функции. Однако «ответ на вопрос, почему он изобразил ее как “деву со знаменем”, менее всего связан с реальными событиями, о которых он не был слишком хорошо осведомлен» [Там же]. Поэтому следует предположить, что он вкладывал сюда «некий символический смысл». Клеман де Фокамберг именовал штандарт Жанны как знамя (*banniere*), «для него <...> знамя являлось главным и даже единственным атрибутом этой незнакомой, но вызывавшей удивление девушки» [Там же], хотя на рисунке Клемана де Фокамберга присутствует не один, а два атрибута — знамя и меч.

К сожалению, О. И. Тогоева не стала задумываться, а уже тем более объяснять, какими должны быть внешние атрибуты пророка. Может быть, таковой должна быть одежда, инсигнии или сопровождающая свита? Можно только предполагать, так как исследовательница ничего по этому поводу не написала. К внешним атрибутам она относила и меч, и знамя. Если следовать такой же логике, то Жанне д'Арк в начальный период исполнения ее миссии разные люди преподносили определенные предметы, которые, очевидно, этой миссии не противоречили и должны были, наверное, по замыслу самих дарителей, способствовать ее воплощению.

Помимо упомянутых мечей, Жанна д'Арк получила и имела своим распоряжением:

— копьё, о котором упоминал герцог Жан Алансонский [Quicherat, 1845, p. 92];

— полный доспех, стоимостью в 100 ливров, изготовленный и оплаченный по заказу дофина Карла [Quicherat, 1849, p. 258];

— наконец, герб, приведенный О. И. Тогоевой на иллюстрации 14 с описанием происхождения [Тогоева, 2016, с. 310].

После прочтения монографии «Еретичка, ставшая святой» так и остается невыясненным вопрос, кем же была Жанна д'Арк? Она действительно была провидицей? Или же просто считала себя таковой? А может, современники видели в ней пророка или из каких-то своих побуждений выдавали Жанну за него.

Как видно, ответ на каждый из вопросов подразумевает разное понимание сущности личности и миссии Жанны д'Арк. Но О. И. Тогоева не увидела здесь никакой проблемы и не дала нам четкого ответа. Наверное, она и сама его не знает. Не зря же, неоднократно указывая на «политическую карьеру» или «военную карьеру» [Там же, с. 74, 76] Жанны д'Арк, О. И. Тогоева ни разу не использовала выражение «пророческая» или «визионерская карьера», что было бы вполне логично в рамках ее исследования. Вероятно, исследовательница сама недостаточно уверена, что таковая существовала в реальности.

А может быть, все проще? Для кого атрибуты меч, копье, доспех, знамя и герб более естественны и функциональны — для пророка, пусть даже активного, или же для воина? Если не придумывать дополнительных сущностей, следует признать, что для воина. Видимо, не была Жанна д'Арк пророком, а выступала в качестве капитана одного из военных отрядов на службе Карла VII, а сила французской пропаганды возвела ее на недосягаемый уровень.

И тогда прав хронист Жан Шартье, на страницах хроники которого Орлеанская Дева предстает не как пророк, а в совсем ином, но понятном и естественном для войны амплуа. Так, например, при перечислении военачальников он ставит Жанну Деву вслед за герцогом Жаном Алансонским, графом Артуром де Ришмоном, графом де Вандомом и Орлеанским Бастардом, делая приписку: «и иные военачальники и капитаны» [Chartier, 1858, p. 85].

В другом списке полководцев, относящемся хронологически к событиям после коронации в Реймсе, Жанна д'Арк присутствует вновь примерно на том же месте, что и прежде: «герцог де Бар, герцог Алансонский, герцог де Бурбон, граф де Вандом, граф де Лаваль, Жанна Дева и многие иные сеньоры и капитаны» [Ibid., p. 100]. Наконец, при описании сражения Жаном Шартье мы встречаем Жанну д'Арк не в списке пророков или визионеров, а в числе военачальников: «Были сформированы баталии, самыми большими из которых командовали герцог Алансонский и граф де Вандом. Другую баталию взял под свою ответственность герцог Барский. Третьей, которая была образована в виде крыла, взяли под свою ответственность сир де Ре и де Буссак, маршалы Франции. Другой баталией, которая должна была обстрелять и вступить в бой с упомянутыми англичанами, командовали сир д'Альбре, Жанна Дева, бастард Орлеанский, ла Гир и остальные капитаны» [Ibid., p. 103—104]. Сказанное здесь хронистом Жаном Шартье не оставляет иного вывода, кроме того, что Жанна была одним из капитанов в армии Карла VII. Причем она занимала одну из командных должно-

стей, и ей наряду с другими опытными военачальниками доверяли командовать частью войска.

Можно полагать, вывод напрашивается сам собой: Жанну д'Арк выдавали за пророка, тогда как в жизни она играла совсем иную роль. По крайней мере, так думал Жан Шартье, а возможно, и многие другие современники. Поэтому обладание мечами, копьем, доспехом и личным гербом вполне оправданно для Жанны д'Арк как капитана, а не пророка.

Источники

1. *Chartier J.* Chronique du règne de Charles VII / J. Chartier. — Paris : Chez P. Jannet, Libraire, 1858. — V. I. — 271 p.
2. *Quicherat J.* Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc, dite la Pucelle / J. Quicherat. — Paris : Chez Jules Renouard, 1841. — T. I. — 506 p.
3. *Quicherat J.* Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc, dite la Pucelle / J. Quicherat. — Paris : Chez Jules Renouard, 1844. — T. II. — 472 p.
4. *Quicherat J.* Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc, dite la Pucelle / J. Quicherat. — Paris : Chez Jules Renouard, 1845. — T. III. — 473 p.
5. *Quicherat J.* Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc, dite la Pucelle / J. Quicherat. — Paris : Chez Jules Renouard, 1849. — T. V. — 575 p.

Литература

1. *Петров М. Н.* Жанна д'Арк (Историко-психологический опыт) / М. Н. Петров // Журнал Министерства народного просвещения. — Санкт-Петербург, 1867. — Ч. СXXXV. — С. 91—124.
2. *Тогоева О. И.* Еретичка, ставшая святой. Две жизни Жанны д'Арк / О. И. Тогоева. — Москва, Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2016. — 574 с.
3. *Barbé L. A.* Margaret of Scotland and the Dauphin Louis / L. A. Barbé. — London : Blackie and Son Limited, 1917. — 192 p.
4. *Beaucourt G.* du Fresne. Histoire de Charles VII. 1422—1435 / G. Beaucourt. — Paris : Librairie de la Société bibliographique, 1882. — T. II : Le Roi de Bourges. — 667 p.
5. *Dom Calmet.* Histoire ecclesiastique et civile de Lorraine / Calmet Dom. — Nancy : Chez Jaen Baptiste Cusson, 1728. — T. III. — 680 p.
6. *Fraioli D.* Joan of Arc: The Early Debate / D. Fraioli. — Boydell Press, 2002. — 246 p.
7. *Luce S.* Jeanne d'Arc a Domremy. Recherches critiques sur les origines de la mission de la Pucelle / S. Luce. — Paris : Hachette, 1887. — 335 p.
8. *Père Vignier.* Discours qui fait connoître que la Pucelle d'Orleans n'a point esté brûlée à Rouen, et que elle a esté mariée / Vignier Père // Mercure galant. — Novembre 1683. — Pp. 39—60.

Jeanne d'Arc: Was There a Prophet? Reflections on the Book of O. Togoyeva "The Heretic, who Became Holy"

© **Oleg I. Nuzhdin (2019)**, orcid.org/0000-0003-2127-4214, PhD in History, associate professor, Department of Foreign Regional Studies, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia), o_nuzhdin@mail.ru

This article is devoted to the analysis of the concept of O. I. Togoyeva, proposed by her as a research method in the monograph «The heretic, who became holy». In it, the author attempted to prove that the national heroine of France, Jeanne d'Arc, was a visionary, a prophet who had predicted individual events of the Hundred Years War. Since contemporaries were not sure who its prophecies come from - from God or from the Devil, we had to perform several procedures using the «discretio spirituum» method, that is, the «discerning of spirits». The first two, held in Chinon and in Poitiers in the spring of 1429, ended with the acquittal of Joan of Arc, the third, completed in Rouen in 1431, with an accusation, and finally, the last — in 1450–1456, — restoration of a good name. One may agree that some contemporaries considered Joan of Arc as a prophet or presented her as a prophet, but the fact that the Maid of Orleans really was a prophet remained unproved. The article shows that other interpretations of the mission of Joan of Arc and her actions are possible, including an explanation of her actions not as a prophet, but as one of the captains of the royal army.

Keywords: Hundred Years War; Joan of Arc; Dauphin Charles; concept of «discretio spirituum»; medieval Visionism.

Material resources

- Chartier J. (1858). *Chronique du règne de Charles VII*. Paris : Chez P. Jannet, Libraire, I: (In Fren.).
- Quicherat J. (1841). *Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc, dite la Pucelle*. Paris : Chez Jules Renouard, I: (In Fren.).
- Quicherat J. (1844). *Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc, dite la Pucelle*. Paris : Chez Jules Renouard, II: (In Fren.).
- Quicherat J. (1845). *Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc, dite la Pucelle*. Paris : Chez Jules Renouard, III: (In Fren.).
- Quicherat J. (1849). *Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc, dite la Pucelle*. Paris : Chez Jules Renouard, V: (In Fren.).
- Togoyeva, O. I. (2016). *Eretichka, stavshaya svyatoy. Dve zhizni Zhanny d'Ark*. Moskva, Sankt-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. (In Russ.).

References

- Barbé, L. A. (1917). *Margaret of Scotland and the Dauphin Louis*. London: Blackie and Son Limited.
- Beaucourt, G. (1882). *du Fresne. Histoire de Charles VII, II: Le Roi de Bourges*. Paris: Libraire de la Société bibliographique. 1422—1435. (In Fren.).
- Dom, Calmet (1728). *Histoire ecclesiastique et civile de Lorraine, III*. Nancy: Chez Jaen Baptiste Cusson. (In Fren.).

- Fraioli, D. (2002). *Joan of Arc: The Early Debate*. Boydell Press.
- Luce, S. (1887). *Jeanne d'Arc a Domremy. Recherches critiques sur les origines de la mission de la Pucelle*. Paris: Hachette. (In Fren.).
- Père, Vignier (1683). Discours qui fait connoistre que la Pucelle d'Orleans n'a point esté brûlée à Rouen, et que elle a esté mariée. In: *Mercurie galant*. Novembre. 39—60. (In Fren.).
- Petrov, M. N. (1867). Zhanna d'Ark (Istoriko-psikhologicheskiiy opyt). *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya, CXXXV*. Santk-Peterburg. 91—124. (In Russ.).